

НАДЗЕЯ КУЗЬМЯНОК

МУЖЧИНА
КОТОРОГО Я
ВЫДУМАЛА

Надзея Кузьмянок

Мужчина, которого я выдумала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71407207

SelfPub; 2024

Аннотация

Я хочу рассказать тебе, дорогая читательница, как встретить свет любви. Покажу тебе, шаг за шагом, где найти фонарь, укажу путь и проведу по нему. Я отведу тебя в место исполнения мечты и, обернувшись, ты увидишь, что и раньше бывала здесь.

Ты станешь свидетелем того, как мгновения детства Девочки станут бусинами в ожерелье будущего Женщины. Ты приоткроешь завесу тайны женской души и в её потайных уголках откроешь свои собственные.

Я приглашаю тебя в мир, где для вышивки прекрасной картины необходимо подготовить нити. Приглашаю тебя в историю. Туда, где можно встретить мужчину, которого ты выдумала.

Надзея Кузьмянок

Мужчина, которого я выдумала

Часть 1. Истоки чувств

Пролог

В деннике пахло сеном, а кожу щекотал теплый майский ветер. Кобыла тряхнула головой и заржала. Я сняла с неё недоуздок, потрепала по горячей шее. Улыбнулась. Моя дрожь поутихла. «Мне кажется?» – летала по голове угорелая мысль. Я с каким-то странным чувством мяла в руках шлем, не решаясь отнести его на место. Но нужно идти переодеваться. В конце концов, солнце закатывалось за горизонт, и меня окутывал аромат свободы. Сзади приближался размеренный стук копыт – я обернулась.

– Уходишь?

– Да, скоро.

Он передал мерина служащему и направился ко мне. Синий цвет футболки подчеркивал белизну – даже некоторую мраморность – кожи, а часы на левой руке были подтянуты

вверх, чтобы не мешать. Сильные мышцы перекатывались на плечах и в груди в такт размеренному шагу. Чем ближе он был, тем выше поднимался мой подбородок.

– Я думала, вы уже уехали – вырвалось из горла.

Он кивнул, улыбнувшись:

– Хочу договорить.

Я развернулась, чувствуя, как по груди разливается горечь и тепло. Нос обволокло ароматом ветивера и амбры – он ко мне встал вплотную, и я подняла глаза к его глазам. Темно-серым, спокойным. И я успокоилась. Мы были очень разными людьми очень разных поколений. Знакомцы, объединенные конюшней. С момента первой встречи около полутора года назад я часто выезжала с ним и компанией в поля. И каждая такая выездка была радостью. Или, признаваясь честно, каждый его приезд. Наверное, в нем было что-то от отца, которого у меня никогда не было. Что-то от наставника, который мне когда-то был нужен. И что-то от друга, которым он стал для меня.

Сильнее, чем это, меня радовала только совершенная честность, уверенность друг в друге. Редкий случай, когда – даже сейчас – я не изъедала себя подозрениями и тревогой рядом с тем, кто мне нравился. Меня манило к нему, как мёд манит пчелу – подсознательно и непреодолимо. Но без бурь в голове и в поступках. Лишь колким возбуждением на плечах и груди. Я не отрицала своих чувств, но не давала им ни расти, ни проявляться.

– Да? Вы о моей идее открыть кофейню? – я рассмеялась. – Забудьте, это пройденный этап. Я хороша только в варке, а не в продажах кофе.

– Так и не скажешь, – усмехнулся он.

В низком баритоне его голоса проявилась ранее неизвестная мне нота. Некая новая глубина. Веселость уступила место вниманию. Боги, какой же он огромный! Я на миг представила, как становлюсь на табуретку, чтобы не задирать голову. Казалось, в его в глазах отражаются мои потаенные надежды. Я сосредоточенно вглядывалась в их серую глубину не отрываясь, понимая, что в противном случае мои глаза застынут на губах. В мареве закатного солнца мне, окутанной теплотой поздней весны, казалось самым правильным только одно – целовать его. Покрывать щеки, лоб, нос и – самое заветное – его губы поцелуями, похожими на мотыльков. Не думать ни о чем большем.

– Боюсь, я должен извиниться перед тобой за свою черствость, – услышала я, заземляясь. – Я не безразличен к тебе.

– Знаю, – мягко улыбнулась я, – я ценю это.

Он рассмеялся и, положив руки на мои плечи, совсем немного наклонился ко мне – я тонула в графитовых глазах и амбровом аромате.

– Нет, – его ладони обхватили лицо – и кожу обожгло горячее дыхание. – Я имел в виду иные чувства...

Я бессознательно положила руки на его предплечья, пытаясь не отрывать взгляда от его глаз. Дрожь, запоздалая

от неожиданности и удивления, наэлектризовала тело. Глаза мои смотрели лишь на его губы.

Губы, что в мареве заката вдруг прильнули к моим.

Глава первая. Возвращаясь к истокам

Ой, реченька-реченька,
Отчего же ты не полная,
С берегами ровная?
белорусская народная песня

Мои губы приоткрылись в восхищенном ступоре. Свысока на меня глядели спокойные голубые глаза, в глубине которых укромно притаилась зелень. Какой красивый! Я почти прыгала от счастья. Мечта сбылась! Старая детская мечта, которую обычно преподносили в подарок на день рождения или и вовсе просто так. Мечта, которую пришлось отложить в «неизвестное далёко». Мечта, которая так неожиданно легко претворилась в реальность!

Я осмотрелась, но кроме мерина, смотревшего на меня глазами-океанами, никого больше не было. Все денники были пусты, в проходе ни одного работника. Только со двора доносилось эхо лошадиных разговоров. Спокойный полдень на конюшне. Блажь. Мешала лишь одна деталь. Я была записана на первую тренировку и сейчас совершенно потеря-

лась. Прошло минут пятнадцать занятия, но меня никто не встретил. И я, к своему смущению, тоже никого не нашла. Над ухом пролетел воробей и растворился в сумраке потолочных балок. Я проводила его с улыбкой.

– О! Здравствуйте! Сейчас! – я обернулась на звонкий голос. – Быстренько сейчас всё положу – и бегу к Вам!

Я кивнула, продолжая улыбаться. Тренер, высокая жилистая молодая женщина, понравилась мне уже из разговора накануне. Быстрая уверенная речь, звонкий спокойный голос и глаза с искрой – и я поняла, что в хороших руках. Забавно, соглашусь, но я уже по разговору видела в тренере самоотверженную воодушевленную личность. И искры в глазах. Боже, какое удовольствие – любить то, что ты делаешь! Тренер представилась Анной.

– Вот здесь у нас всегда лежат щетки, расчески, нагавки, – заговорила она быстро. – Я первый раз показываю, в дальнейшем же это ляжет на Ваши плечи.

Тренер подошла к деннику и вывела в проход мерина. Подведя его ко мне, она ловко подцепила веревки, вдетые в кольца на столбах по обе стороны от нас, крючками к недоуздку на морде. Конь смотрел на меня привычным взглядом. Для меня же всё казалось в диковинку!

– Та-ак! – приводила Анна дыхание в порядок, приводя дыхание. Она явно забегалась с предыдущим учеником. – Прошу любить и жаловать! Знакомьтесь, Сатурн! Наш любимый мальчик, умница-красавица – детки на нём обожают

кататься. Всё знает, всё умеет, всему Вас научит!

Конюшня залилась моим смехом. И тренер, смущенно улыбнувшись пояснила:

– Так как Вы у нас невысокая и неопытная, мы предлагаем Сатурна для первых тренировок.

Я, кивая, с восхищением всмотрелась в коня. Как маленькой девочке, мне хотелось захлопать в ладоши и пуститься в пляс. Я занимаюсь верховой ездой! По-настоящему! Конечно, услышав, что Сатурн чаще предлагается деткам, моё сердце эгоистично сжалось. Однако воздух был так чист и свеж, щебетание птиц за окном так красиво, а конь так мил, что мне стало всё равно. В конце концов, подумала я впервые спокойно, я новичок!

Точно следуя указаниям Анны я стала готовить Сатурна к тренировке. Почистила сначала его грубой щеткой. Сенная пыль мерцающими облачками слетала с пегих боков. Уши Сатурна, как точные локаторы, поворачивались туда, где я оказывалась. Теперь время мягкой щетки. Она легонько прошлась по морде. Расческой я навела марафет в хвосте и гриве. Готово! Я улыбнулась Анне. Не скажу, что я сразу запомнила, в каком порядке необходимо седлать. Я лишь знала, что мне напомнят. Спойлер: еще несколько занятий я буду путаться в положении подушки под седлом.

С тренером – и это частое мое везение – отношения сложились сразу. Я даже не могу сказать, когда произошел переход от стандартных опросов между профессионалом и но-

вичком до дружеской беседы. Однако я точно могу сказать, что я чувствовала. Спокойствие и уют. Под сенью крытого манежа я, неловко сжимавшая ноги носками к коню, хохотала и радовалась. Это моё место! Это мои люди! Это моё увлечение.

Помню, как в конце занятия попросила Анну сфотографировать меня на память. Как интересно будет посмотреть на фотографии разницей в год! Вечером я открыла присланные карточки – и решила, что сегодня не считается. Слишком кривенько. Но это будет вечером, когда я, немного примятая впечатлениями, лягу на диван и стану рефлексировать.

А тогда я кружила по манежу и училась правильно сидеть. Удивительно, страха совсем не было. Совсем. А ведь с последней моей поездки верхом прошло уже порядком времени, и я, признаться честно, испытывала перед четвероногими великанами некоторую робость. Однако здесь её не было. Здесь царило спокойствие. Им было пропитано все вокруг, и в этой благостной атмосфере легко угадывалась женская рука. Легкая и на создание одной из самых красивых, и одной из самых удобных конюшен. Из разговора с Анной, больше похожего на переключку на длинных расстояниях, я поняла, что хозяйка конюшни изначально лишь хотела вывезти своих любимцев подальше от центров олимпийского резерва. Однако переезд превратился в открытие частной конюшни.

Я с улыбкой вспомнила, как записывалась на первое заня-

тие. Подумать только, как я боялась! Как долго откладывала поиск конюшни, «не находя времени», как дрожащей рукой набирала номер администратора, как выравнивала дыхание перед тем самым «здравствуйте»! Но как оказалось всё просто! Как быстро годы сомнений и отговорок превратились в долгожданную запись! От восторга замирало сердце.

Говорят, когда ты себя не любишь, ты лишаешь себя всего, что доставляет тебе удовольствие лишь с одной причиной: причинить себе боль и хоть так почувствовать себя живым. Оглядываясь на прошлые три года, я видела лишь черную ненависть к себе. Жестокость ни за что и уничижительную жертвенность ни для кого... Печаль тихими волнами накатывает каждый раз, когда я понимаю: по-другому, увы, быть не могло. Я потеряла близкого человека и отдалась сама от себя. Пыталась ли я обвинить в потере себя или пыталась найти виновного вовне, но три долгих года я блуждала во тьме своей боли.

Говорят, когда ты не любишь себя, ты не хочешь принимать помощь. Упиваешься своей болью и не позволяешь жизни идти дальше. Ты держишь при себе, как дракон – свои сокровища, то малое, что осталось, и защищаешь его до последнего. Не отпускаешь ничего старого – не впускаешь ничего нового. И с черным удивлением отмечаешь, что другим людям тебя не понять.

Но я прошла это долгое испытание. Как прошли, проходят и пройдут многие люди. К сожалению или к счастью. Черная

ночь жизни научила меня самостоятельно искать свет. Светить самой и поверить в наступление нового утра. Такого, как сегодня. Нового утра моей старой жизни. Вновь полного приключений, жажды жизни и желания познать неизведанное! Магического... Ведь самое прекрасное и одновременно самое тяжело – принять перемены как нечто обыденное и прекрасное.

Глава вторая. Истоки чувств

Всякое рассуждение о любви уничтожает любовь.

Лев Толстой

Девочка открыла глаза и сладко потянулась. В широких серо-голубых глазах еще теплились остатки сна, ставшие причиной пробуждения. Маленькая головка повернулась к окну. Утро давно занялось, и бабушкиного голоса не было слышно даже в сенцах. Мерно тикали часы. Тепло.

Откинув край одеяла, пятилетняя малышка спустилась с высокой кровати и от удовольствия зажмурилась. Горячие ступни приятно холодили недавно окрашенные гладкие половицы. Ковров в хате никогда не было. Девочка отыскала свои тапки и зашлепала в переднюю. На окне стоял электрический чайник – его накануне подарил кто-то из бабушкиных друзей. Вода в нем через пару минут весело забурлила и заварила в маленькой чашке чай.

Это не было сном, думала девчушка, сидя на диване, застеленном цветастым ковром. В воздухе витиеватыми узорами клубился пар. Или было? Упрямые каштановые кудри отрицательно завертелись. Не может быть! За огромным окном смеялось летнее солнце, и то, что она увидела, было настоящим! Дверь на крыльце громогласно лязгнула, протяжно закрипела дверь в сенцы, и до ушей донесся звук тяжелой поступи. Бабушка.

– Доброе утро, золотко! – улыбнулась она, когда девочка зашла к ней.

В сенцах бабушка готовила еду как семье, так и скоту, и потому запахи там всегда стояли дивные. В доме всегда пахло землей, молоком и травой, и запахи эти вплелись в узор девчушкиной души.

– Проснулась? Хорошо спалось, моя внученька?

Девочка с застенчивой улыбкой кивнула.

– Ну и слава Богу, иди быстренько одевайся, не стой на холоде. Сейчас позовем деда – будем завтракать.

Деда точно где-то во дворе. Звонкие шаги раздались на крыльцу – и тонкий голос позвал его. Где-то вдали послышался отзвук, но вернулся он с ответом. Идёт, значит. И точно – из-за ворот пуни показалась еще только тронутая седinou голова под тряпичной кепки. Деда подмигнул малышки и кивком предложил ей вернуться.

Ели всегда много. Блины с зажаркой, яичницу со шкварками, салаты – лишь первое, что девчушка могла вспомнить.

Бабушка с дедушкой держали коров, кур, коня, растили свиней, и всё это подворье занимало все их мысли и действия. Работать в семье любили – и кушать тоже.

Девчушка – пока что их первая внучка – впитывала эту привязанность к земле и труду, словно цветок – солнечный свет. Она сидела за круглым столом в передней и отламывала толстый блин, обмакивала его в зажарку и с упоением отправляла в рот. Бабушка говорила и звучно смеялась, подкладывая ей еще. Деда ел всегда молча.

Передняя была залита солнцем, обещавшем приключения. Бабушка рассказывала о корове – дивной красавице, – выставленной на продажу где-то далеко в какой-то там деревне. Малышка восторгалась, и её глаза с восторгом метнулись в стороны Деда. Что он скажет?! Его подбородок опустился в кивке, а из горла вырвалось согласное «мгм».

– Я! Я поеду! – с придыханием выпалила девчушка. – А можно это будет моя корова?! Совсем моя?!

– Ну, с дедом поедете, – подтвердила принятое решение бабушка. – Твоя, твоя. Тут всё твое.

По коже у девчушки пробежались мурашки. Путешествие! Они поедут через поля, через леса, через чужие деревни! Перед глазами встали залитые солнцем пашни, нескошенные луга, глухие леса – и все для нее! Ах, как чудесно! Нос защекотал запах ветра. Теплого, летнего, наполненного свободой ветра приключений! Он дурманил и совершенно не давал усидеть на месте.

Скорей! Скорей ехать!

– Когда мы едем?!

Веселый смех окрасил стены дома, и маленькие ножки в восторге побежали навстречу Солнцу!